
ФИЛОСОФИЯ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Э. Киш

Глобализация в массовом сознании и в представлении интеллигенции – это новая система власти и господства. Реальная модель глобализации радикально отличается от этих взглядов.

Реальная глобализация формирует новые социальные условия во всех сферах. Воспользоваться благами глобализации мешает борьба между субъектами, группами, между субъектом и группой, а также между малыми и более крупными группами. Структурная сила глобализации затрагивает все слои социальной жизни.

Одной из самых важных и сложных проблем социально-философского исследования глобализации является постоянная взаимосвязь ее функциональных и нефункциональных элементов.

Глобализация, таким образом, – это не новый, еще неизведанный силовой центр и не мировое правительство, но, по сути, качественно новая система отношений между акторами.

Ключевые слова: *глобализация, глобальные связи, глобализированный мир, либерализм, неолиберализм, постмодернизм, монетаризм, демократия, саморазрушительные тенденции, саморазрушающееся общество.*

1. О глобализации

Согласно общепринятому широкому пониманию, глобализация – это наука о масштабных проблемах, каждая из которых качественно, по-новому и все более ощутимо затрагивает и отдельного человека, и человечество в целом. В этом смысле закономерно, что к сфере глобализации относятся, например, проблемы экологии, полезных ископаемых, миграции, глобальные проблемы охраны здоровья (поскольку их более невозможно ограничивать рамками государства), глобальные позитивные и негативные тенденции изменения численности населения, энергопотребление, торговля оружием, кризис в области борьбы с наркотиками или дилеммы интеграции и мировой экономики.

Существует также другая пространная трактовка глобализации – именно ее мы будем придерживаться в настоящей работе, – которая не привязывает проблемы и явления глобализации к конкретным отдельно возникающим «глобальным» вопросам (или к их произвольному набору), а *исследует структурные и функциональные связи в новой глобальной ситуации в целом.*

Всемирно-исторический поворот в 1989 г. стал *значимым* этапом эволюции глобализации. Основной причиной этого является тот факт, что до 1989 г. само существование двух мировых режимов удерживало процесс глобализации на ли-

нии конкретных практических границ. Каждый тщательно отобранный элемент глобализации мог вырваться за пределы системы этих режимов только благодаря исключительным усилиям.

В результате стремительного *скачка глобализации*, начавшегося в 1989 г., был воплощен в жизнь один из возможных вариантов глобализации, а именно тот, который связан с *монетаризмом и мировым долговым кризисом*. Таким образом, всепроникающее действие глобализации должно отразиться и на проблемах монетаризма, и на проблемах мирового кризиса задолженности.

Одной из самых важных и одновременно самых сложных проблем социально-философского исследования глобализации является непрерывное взаимодействие ее *функциональных и нефункциональных элементов* и аспектов, которые подобны винтикам в машине. Чем больше глобальные процессы реализуют свой общемировой характер, тем очевиднее они проявляют в своей деятельности явно функциональные характеристики. Например, *чем более очевидной становится «глобальная» структура мировой экономики, тем отчетливее преобладают функциональные теоретические определения*. С теоретической точки зрения функциональные и нефункциональные элементы *гетерогенны*, но на практике они органично и *гомогенно* переплетаются друг с другом.

Глобализация, таким образом, – это не новый, еще неизведанный силовой центр и не мировое правительство, это, по существу, качественно новая *система отношений между всеми акторами*. Одной из ее специфических черт является достаточно «демократичная» возможность доступа к глобальным процессам и сетям. И абсолютно логично описывать фундаментальное явление глобализации, используя критерии *доступа* и *доступности*. Однако в этой области скрыты две самые слабые стороны глобализации. Глобализация нивелирует целый ряд специфических отличий и разрушает границы, обеспечивая *по существу* всеобщую доступность. Стало быть, в этом смысле глобализация «демократична»: участие в глобальных процессах может даже обозначить новую концепцию «равенства». Глобализация, динамическое развитие которой включает элементы дискриминации, обнаружила бы противоречие не только в теоретическом, но и в практическом плане. В этой связи необходимо установить всемирно-исторический баланс глобализации. *Этот баланс будет зависеть от итогового соотношения между демократией, и более того – между равенством доступа, и отличительными аспектами, то есть реально существующими саморазрушительными социальными процессами в поле деятельности этих двух тенденций*.

С этим вопросом связана *вторая* особо важная проблема качественного скачка глобализации в 1989 г. То, что глобализация способствует возникновению новых в смысле качества и разнообразия отношений, – только одна сторона медали. Качественно новый характер отношений является результатом того, что посредники и социальные слои, раньше отделявшие человека от глобальных проблем, исчезли, и теперь каждый может получить доступ к многосторонней коммуникации в глобальных сетях напрямую, то есть без каких-либо посредников, как и любой другой актер. Обратной стороной медали является вопрос, возникнут ли в ходе развития глобализации *действительно новые ресурсы*, способные удовлетворить растущие запросы, порожденные доступностью. Триумфальный прорыв глобализации сам по себе ведет к росту числа ресурсов, но в гораздо меньшем объеме, чем «объем

возможностей», требуемый для мира со все более и более растущей доступностью. И именно невозможность удовлетворить потребность в доступе сильно вредит хорошо сложившейся системе глобальных связей. Эти негативные перспективы напоминают некоторые средства массовой информации, которые предлагают большое разнообразие телеканалов, но одновременно с ростом доступности не обеспечивают качественного роста «источников» развлекательных и культурных программ. В итоге все, что они могут предложить в ответ на растущие потребности, – это низкопробные программы или бесконечное повторение испытанных и надежных «типовых» программ.

Глобализация рождает целый ряд альтернатив в *идеологической, а также государственной, общественной и культурной сферах*, каждая из которых требует толкования. С точки зрения теории науки теория глобализации – это теория общества, и неважно, сколько еще будет придумано новых, ранее не существовавших концепций феномена глобализации, нет ни необходимости, ни возможности выдумывать для них новую теоретическую модель.

Как мы уже говорили, реально существующая глобализация – это не новый силовой центр и не мировое правительство, но качественно новая система отношений всех акторов, главная характеристика которых – «глобальность», то есть возможность получить доступ к глобальным процессам и сетям особым, «демократическим», путем. *В глобализованном мировом сообществе взаимоотношения Востока и Запада меняются; в этом новом мировом порядке, основанном на новых взаимозависимостях, роли должников и кредиторов, победителей и проигравших переплелись.* Что касается общественного капитала, необходимо упомянуть тенденцию «нисходящей спирали», вызванную глобализацией, которая означает, что типы социального капитала, инвестируемого обществом в отдельных людей, качественно и количественно сокращаются. В основном это последствие *кризиса общественной сферы*, соответственно развитие «общества знания» могло бы устранить это проблему. Подход, основанный на глобализации, мог бы выявить ограниченность тех подходов, которые остались на уровне национального развития. Мы также можем рассматривать тенденции глобализации на уровне философского обобщения, взяв в качестве критериев категории *субъекта, деятельности и эмансипации*.

В результате падения социализма неолиберальная политическая и экономическая система заняла господствующее положение, что привело к *ошибочному отождествлению неолиберализма и либерализма*. Структурные и функциональные характеристики глобального мира сейчас формируются именно этой *неолиберальной системой*. В подобном контексте появляется Третий Путь – неравные взаимоотношения между неолиберализмом и социальной демократией.

Глобализация реализуется в мире *постмодернистских ценностей*. Что касается историко-философского метода, мы не пытаемся дать определение главным характеристикам постмодернизма через противопоставление его модернизму. Мы отходим от широко распространенного противопоставления модернизма и постмодернизма, так как твердо уверены, что сущность постмодернизма может быть раскрыта в его отношении к структурализму и неомарксизму. Два этих течения были знаковыми для философии 60-х гг. Иногда они дополняли друг друга, иногда вступали в конфликт. К середине 70-х гг. неомарксизм прекратил свое существование так же резко, как обычно обрушивается природная катастрофа, и примерно

в это же время структурализм тоже признал свою несостоятельность. На месте этих двух сильных течений образовался философский вакуум, который, однако, не означал «вакуума философов», то есть их отсутствие, поскольку в это время появились другие мыслители, которые хоть и обладали политической властью, но не имели собственной философской системы. Это был вакуум, который *постмодернизм* успешно заполнил *метафилософией*. Отсюда следует, что современная философия находится под двойным гегемонистским влиянием постмодернизма и неолиберализма-неопозитивизма. Наиболее важная *симметрия* между этими двумя направлениями – в попытке заново упорядочить весь процесс мышления через регулирование процессов формирования понятий и структуры объекта. Но их стратегии разнятся: *неолиберализм-неопозитивизм* *главным требованием выдвигает редукционистскую верификацию, в то время как постмодернизм считает верификацию недопустимой*. Однако оба направления имеют еще одну общую черту: ограничение объема правил философской верификации, как и ее полное исключение, реализуется не в рамках свободного междисциплинарного дискурса, а в обстановке межличностного влияния.

Бесспорный прогресс глобализации является элементом развития современного рационализма. Однако очевидный ход развития современной рациональности нельзя воссоздать, не упомянув об эмансипации, которая также имеет огромное историческое значение. Рационализация, «отрезвление» (*Entzauberung*), «диалектика Просвещения» должны появиться в новом контексте. Концепция эмансипации должна быть представлена также в историко-философском дискурсе всемирно-исторического «прощания» с мифами. Вся критика современной рациональности основывалась на эмансипации, которой не произошло, хотя необходимость в ней росла параллельно с развитием рационализации. *Исключение эмансипации может представлять серьезную угрозу процессу рационализации и глобализации*.

Связь с современностью в историко-философском смысле имеет решающее значение не только с точки зрения потенциальных врагов и образа врага. В положительном смысле она имеет решающее значение, так как *в некоторых важных аспектах глобализация, фактически выросшая на почве современности, стремится также вычеркнуть самые важные на настоящий момент достижения современности*. Имеется в виду столкновение объединяющего социально-демократического типа развития государства благосостояния и тоже объединяющего неолиберального разрушения этого государства. В результате самой типичной фундаментальной характеристикой современного мира является не глобализация и не интеграция в чистом виде, но глобализация или интеграция, определяемые через государственные долги, которые характерны для всех стран.

Нисходящая спираль социального капитала также является следствием именно такой структуры глобализации, и поэтому данное явление также имеет глобальный характер. Мы не стремимся сбрасывать со счетов многочисленные «истории успеха» – впечатляющие цивилизационные достижения глобализации. Но именно реально проявившиеся на данный момент структурные характеристики глобализации являются причиной того, что *восходящая* спираль крупных достижений и *нисходящая* спираль социального капитала не пересекаются. Когнитивный компонент, задействованный в современном производстве, является частью более широкой концепции когнитивного капитала, в то время как социальный капитал, инве-

стируемый в последующие поколения, не воспроизводится на уровне человеческой цивилизации. Это также означает, что *будущее должно стать полем битвы между цивилизацией и варварством*, даже если ни одно из определений этих терминов не будет напоминать существовавшие до сих пор понятия цивилизованности и варварства.

Еще один важный элемент нового порядка в международной политике («нового мирового порядка») – это новая интерпретация понятий «идентичность» и «различие». К 1989 г. нелиберальная логика понимания данных терминов заменила социалистические, а также христианские базовые понятия об идентичности и различии. Это означает, что *ни социалистическая солидарность, ни христианская братская любовь не могут уменьшить безжалостную силу различий*. Нелиберальная идентичность – это не что иное, как безусловное уважение и гарантия прав и свобод отдельного человека (чьи права могут стать простой формальностью в условиях существования определенного ряда социальных различий). В подобных случаях *различие – это не просто различие, ценность или идеология, оно даже может стать значимой характеристикой социального существования*.

В рамках данной концепции принципиально важно также проанализировать существующие связи между *глобализацией и политикой* как особыми видами социальной деятельности или подсистемы. Эта необходимость вытекает из того факта, что, строго говоря, политика сейчас отличается от той, которая существовала несколько десятилетий назад. Но мы не станем этого делать, поскольку политика, политическая подсистема и политические классы, по всей видимости, постепенно займут свое место в системе глобальных отношений (и в новой мировой экономике). А это значит, что со временем станет возможным более тщательное исследование политической сферы (*das Politische*), при этом не надо будет перечислять все новые координаты мировой истории¹.

Особенности демократии – фундаментальный вопрос глобализации, новой глобальной мировой экономики и новой политической системы, которая постепенно адаптируется к новым координатам. Прежде всего это вопрос *функции и структуры*. Возможно, так и должно быть, поскольку глобальная деятельность может/могла бы осуществляться и развиваться только на базе демократического либерализма или либеральной демократии. *В этом смысле либеральная демократия – это «modus vivendi» глобализации*. Но функциональные и структурные характеристики глобализации должны напоминать нам подлинные *ценностные компоненты* либеральной демократии, которая гарантировала исключительную законность политической системы до того, как окончательно сформировались функциональные и структурные сферы.

Демократический характер политической сферы получил распространение в ряде новых, еще неясных функций. *Демократические ценности покинули мир ценностей и превратились в структуру и функции*².

¹ Как мы можем несколько цинично заметить, это возможно, потому что знакомство с *некоторыми* новыми чертами политической сферы (*das Politische*) само по себе является весьма большим успехом, в то время как практически нет надежды познакомиться со *всеми* новыми чертами в целом. И поскольку частичная адаптация политической практики к новым отношениям уже имела место, нет необходимости в полной реконструкции теоретических отношений глобализации, чтобы обнаружить эти отношения.

² Такая трансформация ценностей в структуры/функции, конечно, поднимает также абстрактные научно-теоретические проблемы.

*Перед либеральной демократией в целом стоят новые, подчас неизвестные и сложные задачи. Во-первых, она является функциональной и структурной основой глобализации, а во-вторых, отношения глобализации ставят либеральную демократию перед лицом ранее неизвестных проблем. В основе либеральной демократии лежат теперь другие идеи, от нее ожидают иных результатов, при этом базовое определение не меняется*³.

Современная модель мира подразумевает зрелую форму глобализации, определяющей характеристикой которой (помимо других важных понятий) является феномен *государственного долга*, устанавливающий в основном экономические и политические границы глобализации и играющий решающую роль в формировании глубоко монетаристских характеристик современной глобализации. Это общая модель, в рамках которой проходит широкомасштабный процесс расширения ЕС. Такое многообразие функций приводит к тому, что *даже отсутствие теории имеет свои негативные последствия*, хотя это вряд ли когда-либо станет центральным вопросом дискуссии.

Одна из самых серьезных проблем будущего связана с проблемой *государства*. Отправная точка здесь – взаимоотношения между глобализацией и национальным государством; общественное политическое сознание знакомо с новыми напряженными отношениями и проблемами правомочности, возникающими в этой сфере. С точки зрения государства таким же важным элементом является регулирование политических и экономических процессов, результаты которых имеют огромное значение. Важная характеристика будущего (и круга вопросов, которые необходимо будет решить) заключается в том, что *государство не является нейтральным актором, обладающим исключительно функциональными характеристиками*, особенно с учетом того, что после 1945 г. современное государство взяло на себя цивилизаторские и практически все социальные задачи в беспрецедентном, до того абсолютно неизвестном, масштабе, а подобные задачи могут возникнуть только за пределами государства, границы которого «пошатнулись» под влиянием процессов глобализации, уничтожившей целые «пространства» социальных сетей. *И в этой ситуации государство проигрывает*. Но есть и другая тенденция, признаки которой уже отчетливо проявляются в современных глобальных процессах. Так, уже существуют успешные (национальные) государства, которые смогли воспользоваться достижениями глобализации и даже интеграции для *реализации своих истинных целей в качестве национальных государств*, а также своих давно забытых стремлений к расширению национальных государств. И эти государства уже во многом выиграли от расширения Европейского союза, которое, конечно, тоже можно рассматривать как процесс глобализации. Вступление в ЕС отвлекает общественное мнение и внимание исследователей от исключительной важности функций государства будущего, в то время как безусловный и относительный упадок государства, в силу исторических причин сконцентрировавшего в себе все социальные и цивилизаторские функции, проявляется в конкретных практических трудностях⁴.

³ Демократический порядок, как ожидается, ограничит миграцию, но в то же время сделает ее возможной.

⁴ 31 марта 2004 г. в Боливии шахтер взорвал себя в здании парламента. Прямой причиной его действия послужило то, что он не получал пенсии, и его аргументация была безупречна. Он потребовал сумму, которую постепенно платил в качестве налогов государству Боливия на протяжении своего трудового стажа, и сделал это не без законного основания.

Акторский аспект в целом – новый, вызывающий интерес компонент глобализации. Этот термин может также использоваться для описания политической и социальной реальности доглобализационной эпохи. Однако глобализация начинает новый этап в истории этого понятия главным образом потому, что *она освобождает индивидуальных акторов от организационных и первичных взаимосвязей более крупных политических и социальных целостностей, в основном организаций, и тем самым по-новому организует мир акторов. Это означает, что в конечном счете любой человек является актором, и это не простая игра слов*⁵. Мы – акторы в теоретическом и практическом смыслах, хотя до сих пор ассоциируем эту новую сторону глобализации скорее с ныне существующим «автократическим» самодержавием, нежели с также ныне существующими демократическими компонентами. Естественно, все феномены глобализации имеют свои актерские аспекты, даже проблема отношений с развивающимися государствами.

Но акторы глобализации очень часто выпадают, это отчетливо видно при сравнении новых специфических глобальных функций. *Ситуация с отсутствующими акторами возникает, когда в ходе политических или других процессов глобализации образуются новые важные функции, но при этом отсутствуют в равной степени сильные, ответственные и легитимные акторы, способные взять на себя реализацию этих функций.* Естественно, что в условиях подобной исходной ситуации актерские места «распределяются» заведомо неверно: либо пустующие места и функции отсутствующих акторов остаются незамеченными, либо быстро реагирующие заинтересованные группы заполняют собой этот вакуум, что серьезно деформирует политическое пространство. Базовая модель проста: *заинтересованная группа, заполняющая вакуум, может называться актором только в одном специфическом смысле, то есть в том смысле, что она преследует исключительно свои собственные интересы.* Чтобы достичь своей цели, она должна в известной мере сформировать политическое пространство, но так как она осуществляет это не как легитимный и конструктивный актор, то, следовательно, ее деятельность неизбежно подразумевает разрушение политического пространства.

II. Монетаризм и либерализм

После своей победы в 1989 г. либерализм (в истинном смысле этого слова, а не рассматриваемый в узком смысле как партия) является «вечной» темой политических и политологических дискуссий. Гегемония либерализма, в смысле верховенства определенных стоящих соглашений, является эффективным предприятием, даже если имеет неумышленно (а, впрочем, иногда и намеренно) неверную ориентацию, что заметно на примере существующей до сих пор дискуссии вокруг Фрэнсиса Фукуямы. Одно ошибочное направление – это образ либерализма как политической партии, по крайней мере в идеологическом смысле (который, мы можем с уверенностью сказать, еще не одержал победу во всемирно-историческом плане). Другое интересующее нас излюбленное направление является единственным и, по существу, главным оправданием того, что происходит сегодня. Оба этих неверных направления подтверждают множество сознательно мотивированных, как, впрочем, и немотивированных, стратегий нейтрализации, цель которых – вынести этот единичный случай победы либерализма за пределы свойственных ему

⁵ В английском варианте слово «актор» – *астор* – омоним слова «актер» (прим. пер.).

рамок. Лишь немногие полагают, что две эти стратегии нейтрализации могут преследовать разные цели. Одной из таких целей может быть нейтрализация тех особенностей новой гегемонии, на основе которых мы могли бы, например, выстроить либеральные и динамические требования к новому миру победившего либерализма.

Однако эта относительная нейтрализация интерпретации смысла и значения событий 1989 г. отнюдь не ведет к утрате *существующим* либерализмом своего значения в качестве общего знаменателя и предмета широкого обсуждения на протяжении всех этих лет. Либерализм проявляется во всех вопросах, и в современных дискуссиях он олицетворяет все ценности. В подобной ситуации описательные и нормативные, или относительные ценностные, позиции постоянно перемешиваются. Мы критикуем сегодняшнюю экономику и политику за «либеральность» и в то же время втайне надеемся, что «либерально» настроенные акторы будут в целом положительно рассматривать *настоящее*. С другой стороны, также подразумевается, что мы берем на себя возможную ответственность за негативную сторону системы, определяемую как либерально-экономическая или либерально-политическая.

С теоретической и практической точек зрения самая большая проблема современной открытой или скрытой дискуссии о либерализме – это как раз широко распространившиеся институты, которые пришли одновременно с либерализмом (иногда в форме неолиберализма) в рамках так называемой *монетарной экономической системы*. Мы хотели бы выступить против подобной попытки слияния, особенно там, где вопрос касается четкости понятий. Очевидно, что хотя этот интерес имеет прежде всего чисто теоретическую направленность, он также обладает неоспоримой и очевидной практической значимостью, поскольку можно с уверенностью сказать, что в каждый исторический период новая атрибуция политического языка обязательно имеет явное практическое применение (например, нет ничего удивительного в том, что какие-нибудь «Новые правые» назовутся «республиканцами» или «либералами»). Однако здесь мы не пытаемся вести себя как пуристы, нам совершенно ясно, что официальный политический язык никогда не сможет соответствовать всем теоретическим и историческим требованиям. В подобном контексте наши требования заключаются в том, чтобы политико-теоретический принцип отражал по крайней мере очевидную связь с базовой идеологией или с основной сутью соответствующего политического или концептуального течения.

Любое ослабление классического либерализма незамедлительно оборачивается большой проблемой. Несмотря на очевидную простоту и прозрачность базовых положений либерализма, это возможно, поскольку либерализм – это совокупность множества «свобод». В 1911 г. Л. Т. Хобхаус рассматривал следующие «свободы» в качестве элементов либерализма, определяющих его правильное понимание: «гражданская», «фискальная», «индивидуальная», «социальная», «экономическая», «внутренняя», «местная», «расовая», «национальная», «международная», «политическая» свободы, а также «суверенность народа». На самом деле либерализм эффективен под давлением разумной необходимости реализовать или защищать все свободы. Поэтому всегда крайне опасно, если течения и концепции, позиционирующие себя как «либеральные», оказываются «редукционистскими»

в своем понимании свободы. Кроме того, вопрос не в том, насколько «больше» или «меньше» свободы или свобод необходимо, чтобы называться «либеральным». Скорее вопрос в том, что даже небольшое ухудшение качества или уменьшение объема свобод, в которые так верят, ведет к тому, что в целом вера в либерализм как в нечто «либеральное» начинает колебаться. Любое ослабление либерализма оказывает важное влияние на всю его концепцию. С этой точки зрения логично предположить, что *специальное* упрощение либерализма/неолиберализма до рамок монетарной системы неправомерно. Прежде чем мы дадим определение этому новому явлению, которое понимается под термином «монетаризм», будет нелишне кратко проанализировать либерализм как политическое направление и «точку кристаллизации» политических партий. Ключ к любому либерализму лежит в базовой идеологии, которая наиболее адекватно выражается в тезисе «свободная игра свободных сил». Один аспект этого вопроса заключается в том, что этот тезис *исторически* означал для каждого заинтересованного представителя политического либерализма, как эта концепция соотносилась с представлениями того времени о мире, с какими глобальными освободительными представлениями о порядке эта идея была неразрывно связана. Другой также очень важный аспект этой проблематики – в том, что только те представления, концепция или политическая группа, которые остаются относительно верными основам этой базовой идеологии, могут на законных основаниях называться либеральными.

Нет никаких сомнений, что судьба либерализма как политического направления во многом зависит от того, будут ли неукоснительно следовать базовой идеологии. Однако с такой же уверенностью можно сказать, что чем «ближе» либеральный политический или идеологический курс к соответствующей реальности, тем сложнее ему оставаться преданным базовым идеям. Ситуация, которую мы часто наблюдаем, позволяет нам увидеть, что либерализм всегда сильнее проникает в политические и социальные институты, но в то же время как независимая группа проигрывает в значимости и влиянии на массы. Отсюда вытекают причины, почему либерализм на некоторое время исчезал со сцены как крупный объединяющий независимый политический участник: *политическая* (либералы не боролись за существенное расширение всеобщего избирательного права) и *социологическая* (всегда предпринимались шаги по развитию политической организации, однако социологическая база такого независимого политического направления уменьшилась). Кроме того, либерализм обогатил здоровыми и важными идеями другие направления, и теперь существенно сократились не только социологическая, но и оптимальная индивидуальная база для независимой либеральной политической партии. Хорошим подтверждением тому, что независимая либеральная альтернатива в политике постоянно сокращается, служит тот факт, что после наиболее результативных и грандиозных исторических потрясений либерализм всегда при первой возможности вновь появляется на политической сцене; это также означает, что в «обычные» исторические эпохи и в период упадка развивающийся либерализм всегда получает наибольшие шансы к обновлению как раз в условиях очень крупных беспорядков.

Теперь мы подошли к наиболее сложной проблеме современного либерализма. Это, как уже говорилось, по существу либерализм обновления. И поэтому мы хотели бы обратить внимание непосредственно на предысторию. Процессы 70-х

и 80-х гг. продемонстрировали совершенно иную ситуацию: формирование новой либеральной идеологии происходило не *только* после развала другой, по-иному организованной крупной системы, но уже, в определенном смысле, в период ее упадка, подобного распаду последней Римской империи и развитию и распространению раннего христианства. Помимо всего прочего, данный исторический опыт объясняет, как могли произойти наиболее значимые на данный момент упрощения основных либеральных идей в рамках надежной «монетаристской» системы в ходе довольно простого сопоставления системы либерализма и системы монетаризма.

Прежде чем приступить к описанию понятия монетаризма, употребляемого в настоящем исследовании, мы можем сравнить главные характеристики этих систем во всемирно-исторической перспективе. Именно реально существовавший социализм 70–80-х гг., который оказался центральным объектом, против которого могли объединиться классический *политический* либерализм с его правами человека и возникший в противовес национальному, если говорить в узком смысле, «монетарному» (читай – *более экономическому*), перераспределению обновленный либерализм, сдавая свои позиции, создал эту новую всемирную монетаристскую систему, в которой объединились две оригинальные концепции, не имеющие почти ничего общего друг с другом. Либерализм прав человека и ярко выраженный либерализм монетарных ограничений и новой организации, ориентированной против централизованного перераспределения, смогли выступать как две стороны одной медали скорее под воздействием явно более неконкурентоспособного реального социализма, вынужденного обороняться с учетом своего реального положения в системе координат новой действительности, чем под воздействием подлинно герменевтических классических, экономических и политических дискуссий. Доказать обратное легко. Только в западной политике либералы, защищающие права человека, могли оказаться в оппозиции монетарным ограничениям. Неудивительно, что внедрение такой экономической политики проводилось на Западе крайне правыми и консервативными политиками. Система слабее реального социализма была сама по себе политическим пространством, которое либерализм, критиковавший государственное перераспределение, не мог непосредственно сформировать из-за когнитивного диссонанса с классическим либерализмом прав человека уже на том основании, что ни первый, ни второй не были либерально устроены и что именно в рамках этой системы критика чрезвычайно сильного централизованного перераспределения (в экономическом смысле) сама по себе породила классические либеральные идеи о «свободной игре свободных сил». *Реальный социализм не «ошибочно истолковал» эту новую ситуацию, он просто не осознал ее, не заметил, что одно его существование делает возможным значительную стратегическую перегруппировку сил и идеологий*, и безостановочно создавал прецедентные случаи, которые каждый раз как нельзя лучше подкрепляли новую структуру (на базе случайного объединения обоих либерализмов). Таким образом, реальному социализму не удалось продемонстрировать некоторые элементы своей концепции, которые совершенно не соотносились с новой идеологией. Например, ее концептуальная модель не отражала того, что социализм уже понял некоторые истины рыночной экономики, а также ту ситуацию, когда социализм не смог вписаться в эту реальность.

Таким образом, всемирно-исторический посткоммунистический либерализм, сохраняющий свою силу, объединил элементы классического и монетаристского либерализма. Однако этим развитие основных идей не ограничилось. Сегодня объединение либерального описания политической и социальной действительности с монетаристским описанием тех же сфер – феномен, распространенный во всем мире, и в этом заключается наиболее проблематичное на сегодняшний день упрощение либерализма. Негласное сравнение либерализма и монетаризма не только подразумевает неверную официальную трактовку, но и одновременно вводит в сильное заблуждение.

Однако прежде чем мы приступим к критике подобного сравнения, крайне необходимо прояснить, что в этой статье мы понимаем под монетаризмом или монетарной системой. Соответственно это возвращает нас к экономической системе (и в первую очередь финансово-экономической), которая также не имеет определения.

Под монетаризмом мы понимаем однородную последовательную *политико-экономическую систему*, которая, равномерно и широко (хотя и не повсеместно) распространяясь посредством внутренних и внешних долгов государств, приводит к формированию либерально-демократической политической системы и гегемонии постмодернистских ценностей в мире людей.

Далее под монетаризмом мы будем понимать именно эту систему, для которой приняли, что ее можно в общем обозначить как либерализм. Кроме того, и это надо учитывать в первую очередь, никогда «либеральные» политические силы того времени не проводили более жесткую экономическую политику монетарных ограничений даже случайно, не говоря уже о том, что перспективные радикальные консерваторы вели идеологическую борьбу с любым государственным перераспределением как идеологией «левых» и в то же время совершенно забывали, что многие социальные классы и элементы этого перераспределения были инициированы и претворены в жизнь не тайными «левыми» идеологами, а прежними потребностями так называемого общества потребления. Удивительно, но с точки зрения современной экономики между монетарными ограничениями и государственным перераспределением нет никаких существенных и глубоких противоречий, эти аспекты выступают не в качестве оппонентов, а как две главные последовательные концепции экономической политики. Не менее удивительно и то (и это вызвано современным сравнением монетаризма и либерализма, которое для нас является главным современным упрощением либерализма), что сегодня Р. Рейган и М. Тэтчер, вынужденные постоянно использовать это понятие, перед всеми предстают либералами. Если продолжать приводить подобные доводы, мы можем оправдать и противоположную сторону. Ведь в то время были не только монетаристы, не являвшиеся либералами, но и яркие либералы, протестовавшие против монетаризма (среди других можно привести в пример Ф. фон Хайека).

То, что современная господствующая политико-экономическая система не имеет своего названия, опасно, и это очевидно. Это очень напоминает *Каканию*⁶ Роберта Музиля (то есть Австро-Венгрию), которая не имела названия и фактически исчезла. Конечно, не считая названия, эта мировая политико-экономическая система, безусловно, существует как единство, но не воспринимается таковым.

⁶ Воображаемая страна в романе Р. Музиля «Человек без свойств», намекающая на Австро-Венгрию (прим. пер.).

Ежедневно в своей деятельности она проявляет себя как единство, хотя пока это единство осознается и описывается скорее как процесс глобализации. Однако отсутствие названия ведет к формированию общепринятого представления, согласно которому широкие круги рассматривают текущую ситуацию в целом как «нормальную» и «беспроблемную». В конечном счете мы фактически наблюдаем «нормальные» экономические ситуации и «нормальную» политику, самую нормальную, которую только можно представить, а именно – либеральную демократию. Монетарная система фигурирует здесь как абсолютно беспроблемная, без каких бы то ни было разумных сомнений. На данном этапе мы, разумеется, не будем анализировать монетарную систему как таковую. Мы только хотим обратить внимание на то, что именно в подобном восприятии монетарной системы как «нормальной» также игнорируется неправомерное сравнение монетарной системы с либерализмом. Невозможно перечислить здесь все причины и аргументы. Самый важный аргумент по-прежнему, как всегда, в другом: монетарная система так далека от трех компонентов базовой либеральной идеи («свободная игра свободных сил»), что термин «либеральный» оказывается сплошным обманом. Монетарная система во многом ограничивает социальное пространство для маневрирования (если только не уничтожает его полностью), во многих областях экономического регулирования вводит чрезмерную централизацию, так что она не может более рассматриваться как часть либеральной сферы. Опять же, концепция государства в рамках данной системы лишена фундаментальности. Сокращая по всем направлениям свои социальные функции, монетарная система упочивает бюрократию во всех значимых финансово-экономических сферах, чего практически никогда не происходит в «нормальных» демократиях.

В условиях сокращения социального обеспечения необходимо помнить о важном отличии: формально его сокращение вследствие задолженности проводится не монетарной системой; суть его заключается в том, что монетарная система хочет разрушить многочисленные *запреты* или способствовать их ликвидации. Уничтожение определенных социальных достижений, с одной стороны, можно также трактовать как бюджетно-финансовое явление, но, с другой стороны, явления, о которых идет речь, – это социальные *запреты*, действовавшие на протяжении двух тысяч лет истории европейской цивилизации, причем некоторые из них действуют с 1945 г. в качестве запретов нового индустриального общества и постгитлеровской европейской демократии как нового *sine qua non* (*непременного условия*) существования западных обществ. После такого анализа мы можем уже совсем по-другому взглянуть на термин «ликвидация дополнительных социальных достижений», на эту деятельность по уничтожению запретов и не можем всерьез рассматривать необходимость дать определение либерализма, поскольку либерализм всегда понимает базовую идеологию «свободной игры свободных сил» в освободительном смысле.

К уже сказанному можно добавить, что полностью *пересматривается* вся политическая сфера. В мире монетарной системы радикально обесценивается вся подсистема политического деятеля. Политический деятель – это человек, который может и, несомненно, должен многое обещать до выборов, однако он не имеет фактически никаких шансов собственными силами сломать деятельность всей монетарной системы; его наиболее важная и сложная обязанность состоит в том,

чтобы демократическим путем выбрать ту сферу, которая станет жертвой следующих ограничительных мер. Нам представляется, что подобные трансформации политического деятеля отнюдь не то явление, которое в полной мере было бы достойно называться либерализмом. Другое серьезное расхождение между либеральной базовой идеологией и крупной монетарной системой состоит в том, что если «свободная игра свободных сил» (на основе которой потом возникает реально работающая система), по сути, предсказуема, то «свободная» монетарная система в исключительно важные периоды сознательного и случайного вмешательства (в понимании Карла Шмитта), по большому счету, зависит от политических решений. Разница настолько огромна и важна, что ее теоретическая значимость не обсуждается. Имеющее решающее значение жесткое вмешательство уже в ближайшем будущем породит глубокие проблемы в теории демократии, так как в конечном счете мы также должны учитывать, кто и на основании какого общественного и демократического права осуществляет это вмешательство. Наконец, с точки зрения демократической теории для подобного «чрезвычайного» вмешательства недостаточно одних лишь речей талантливого оратора во влиятельных СМИ о том, какой он «опытный» и «хороший» специалист, и что он может, исходя из этого, принимать законные решения по актуальным проблемам.

Тем не менее, учитывая подобные факты, многие честные и несколько поверхностные критики монетаризма считают, что монетаризм на самом деле не демократичен. И снова мы возвращаемся к скрытому, уже упомянутому нами исходному пункту: для монетаризма реальный социализм, по-другому называемый коммунизмом, остается легитимным, поскольку он еще раз доказывает, что симбиоз политико-демократического и монетарно-ограничительного либерализма может иметь некий «смысл» для существующего социализма. И только для легитимности «либерального» типа мы не находим подтверждений, которые тают, как снег, в свете простейшей критики. Конечно, мы можем смириться с тем фактом, что «либерализм», как и множество других политических терминов, понятие неясное, двусмысленное и безжизненное. Однако для каждого термина мы должны продумать минимальное единство и связь с основной идеологией, а в таком случае это больше, чем вопрос терминологии.

Назвать либерализмом крупную монетарную систему (рассматриваемую теперь с точки зрения реально существовавшего социализма, который к настоящему моменту исчез) на этом основании является обманом в плане профессиональной этики. Существует только один аспект, где крупная монетарная система и неолиберализм имеют нечто общее. Однако эта связь не является неразрывной или прочной, не является она и взаимозависимостью, как это часто представляется. Единственная действительно существующая связь – простое *сосуществование*, которое, однако, не имеет решающего значения и не является чем-то реальным. В совершенно конкретных особых исторических обстоятельствах стали существовать политические концепции либеральной демократии, защищающей права человека, и более замкнутая монетарная система; и при еще более конкретных исторических обстоятельствах это сосуществование политической концепции либеральной демократии прав человека и более замкнутой монетарной системы стало характерной чертой необычной либеральной идеологии и риторики. Эта связь действительно является сосуществованием, поскольку оно, в принципе, может быть отвергнуто обеими сторонами. Мы учитываем случаи, когда более замкнутая

монетарная система может также продуктивно существовать с той же демократией консервативного типа, а также с консервативными вариантами недемократической политической системы (фашизмом и посткоммунизмом).

До сих пор крупная монетарная система описана не в полной мере, хотя она представляет собой удачный и легко *постижимый* предмет для экономики и политики, а также для общества. Она представляет собой экономическую политику либерального толка, хотя не только не является либеральной (мы уже можем сказать об этом совершенно определенно на основании предыдущих рассуждений), но в узком смысле не является и экономической политикой, поскольку имеет мало общего с экономикой как таковой. Это та экономическая политика, или политическая экономика, которая заботится исключительно о финансовых операциях и при этом особое внимание уделяет благоприятным условиям для государственных финансовых сделок, в результате которых, в условиях двойной задолженности государства, большие потоки денег всегда могут быть переведены из государственной сферы в другие. Происходит это не потому, что эти государственные сферы более не нуждаются в денежных ресурсах, а под влиянием более простого многообещающего аргумента – в данных обстоятельствах эти ресурсы легко переводить. Эта фундаментальная концепция крупной монетарной системы отводит каждому актору свою область игры, без чего, как было сказано, он имел бы (а возможно, и нет) дело непосредственно с реальными экономическими процессами, поскольку концепция отражает логику бюрократических и фискальных процедур, которые, впрочем, соответствуют формулировке «мира на бумаге», где реальные экономические процессы могут протекать слишком быстро и (в отрицательном смысле) абсолютно легко.

По этой причине монетарная система по своим признакам – это «экономическая политика», ее экономическая составляющая может существовать (в малой степени) независимо от политики так же, как и политический компонент – от экономики. Необходимо упомянуть тот факт, что здесь мы имеем дело с новым сочетанием экономики и политики. Каждый монетарный (экономический) шаг является политическим, каждый монетарный (политический) шаг – экономическим. Монетарная система имеет дело с экономикой и обществом только в пограничных случаях; естественно, для этой системы небезразлично, пытается ли общество противостать ей. Для сторонника монетаризма «чрезвычайное обстоятельство», по Карлу Шмитту, – единственное социальное условие, привлекающее его внимание. Его не волнуют даже экономические процессы, то есть они «свободны» и их единственное требуемое обязательство – согласовываться с общими финансовыми условиями. Раз уже зашла речь о «свободе», нужно сказать, что «свободны» не только экономические процессы, «свободны» также социальные процессы и акторы; это в переводе на финансовый язык означает, что они могут делать и проверять на практике то, что им нравится, и все это правильно и законно. Здесь проявляется другое важное отличие от основной либеральной идеологии, поскольку в ее рамках действительно произошло осознание того, что нельзя нарушать *запреты*, чего, как мы указывали выше, совсем не скажешь о крупной монетарной системе. Крупная монетарная система живет с обществом в некоем «супружестве», при этом она может судить о состоянии своего «мужа» только по его страдальческим крикам.

Это – логическое следствие существования крупной системы, которая может соединить политику и экономику настолько крепко, что это приведет к формированию своего собственного языка, который, несмотря на концепцию многих лингвистов-философов, является не «просто» языком, а, говоря кратко, представляет собой систему понятий, смысл которых соответствует первоначальным задачам. Таким образом, язык крупной монетарной системы стирает все различия между макро- и микроуровнями процессов; из этого следует, что школьный персонал и медсестры через свой отказ от «спроса на товары потребления» оплачивают долги армии, отраслей тяжелой промышленности или работы гидроэлектростанций. Таким образом, условием финансового баланса является на языке монетаризма «избыточное потребление», даже если в рассматриваемой стране не достигнут самый низкий уровень потребления западных стран. В этом языке каждый предмет обладает своими рыночными характеристиками: физическими, ментальными, воображаемыми или утопическими. В бесконечном убеждении, что все является (и должно быть) рынком, крупная монетарная система забывает не только свои предыдущие исследования по истории экономики (например, осуществленные Карлом Поланьи), но также и актуальные исследования современных границ рынка. Основной темой становится не отопление больницы, а зуб гражданина (лучше с его экономическими и научными характеристиками), представленный как «связанный с рынком» и «зависящий от рынка». В то время как отдельные простые ответственные граждане должны на работе компенсировать государственные долги за счет своего физического существования, политические деятели и банкиры до настоящего времени никогда не были легально осуждены за планирование долгов. Очевидно, здесь правит закон казино – проиграть как можно больше, и чем больше, тем лучше.

Политика монетаризма утверждает (и в этом есть определенная характеристика действительности), что она «реагирует» на новое социальное государство, которое можно описать, по крайней мере метафорически, как «болезнь общества». Однако на самом деле монетаризм сам по себе является социальной болезнью, он имеет так мало общего с реальными экономическими процессами, социальными запретами и реальными целями основной либеральной идеологии, что подобная классификация должна оказаться вполне оправданной. Если добавить к этим фактам также все демократические и теоретические проблемы, то мы сможем понять картину еще глубже.

Основная тенденция саморазрушающегося общества – это рост государственного долга, за которым экономика не успевает даже при самых благоприятных конъюнктурных условиях. *Ахиллес не может догнать черепаху.* Следовательно, саморазрушающееся общество – это общество, которое не способно поддержать (посредством государственных институтов) современный высокоразвитый уровень *пост*благополучной цивилизации, которого оно когда-то достигло. И это не просто вопрос экономики. Если шахта будет закрыта из-за нерентабельности, это не приведет к социальному самоуничтожению. Но если государство будет вынуждено сделать значительный шаг назад в области образования или здравоохранения, саморазрушительные тенденции сразу станут очевидными. Поэтому основная проблема саморазрушающегося общества не в экономике: экономический упадок не является главной проблемой, так как за ним следует только экономический рост при более благоприятных условиях.

Мало того, что такой период не способствует накоплению цивилизационных или человеческих ценностей, он зачастую даже не может обеспечить простое существование. С этой точки зрения самоидентичность государства, общества и гражданина подвергается сомнению. Поэтому у государства, общества или гражданина нет возможности улучшить общечеловеческие ценности, им приходится истощать и даже разрушать эти ценности.

Саморазрушающееся общество – это новая и распространенная реальность современности, призывающая к реформированию фундаментальных понятий общественной жизни.

Адекватное *понимание* крупной монетарной системы происходит уже довольно долго – в политике, а также в экономике, – это давняя, постоянная и сложная проблема. Эта проблема понимания очень сложна, так как крупная монетарная система предлагает одновременно несколько граней *одного* общества. Разрушительный характер крупной монетарной системы проявляется постепенно и всегда в определенной последовательности шагов, и очевидно, что эти шаги не связаны друг с другом. С другой стороны, атаки и монетаристские вторжения всегда проявляются в безупречной идеологии неolibерального рационализма. Социальное представление о крупной монетарной системе станет еще более разнообразным, если мы подумаем о том, что монетаристский бульдозер иногда истребляет те социальные институты, которые *фактически* готовы к упадку и более нецелесообразны. Конечно, некоторые логичные, но рискованные шаги делают эти действия монетаризма не вполне законными. Однако, с другой стороны, сразу же проявляется еще одна грань крупной монетарной системы, близкая к успешным разумным действиям «против воли», а именно – жестокость, практически непревзойденная в мирные десятилетия и «не отступающая ни перед чем», которую можно легко разглядеть в нападках на (неизвестное, но близкое) общество. Действительно, жестокость этих нападений доходит вплоть до нарушения запретов, и не так просто найти этому объяснение. Мы уже немного коснулись проблематики нарушения запретов, сейчас более существенным является политический контекст этой жестокости. Совсем не стоит отказываться от мысли, сколько обществ с их фатальными болезнями и потрясенных кризисами выжило бы, если бы они позволили или могли бы позволить себе подобную жестокость, проявляемую крупной монетарной системой. Здесь проблема монетаристского нарушения запретов, о чем мы уже говорили, заключается в том, что в современной истории их уже не нарушают. Отсюда вывод – идеологической основой и условием для нарушения запретов является как раз антикоммунизм.

Конечно, остается вопрос, было ли оправданным нападение на угасающий реальный социализм, надо ли было идеологически поддерживать это нападение аргументами и дружеской помощью. Прежде всего парадокс в том, что антикоммунизм победил, только когда сформулировал эту цель как идеологическое направление и с удивлением обнаружил, что коммунизм благополучно скончался. Если мы будем понимать жестокость в подобном ключе, то скоро проявится еще одна грань крупной монетарной системы, а именно: эффективное и важное качество – способность функционально объединить современные международные процессы. Несомненно, очевидная нехватка способов подобной интеграции привела бы к пониманию, как объединить крупные макроэкономические и другие процессы

в общую картину и распределить по функциям. Огромный успех крупной монетарной системы состоит в том, что это функциональное, а не прямое политическое, господство, в то время как раньше каждое главенство должно было быть по крайней мере внешнеполитическим. Однако эта особенность снова возвращает нас к вопросу о трудности восприятия и способности к интерпретации. Функциональная сила – это не только новое явление, это также инструмент, с помощью которого можно наилучшим образом решить сложные вопросы политической законности.

Если бы мы сейчас обратили свой взгляд на функциональный аспект монетаризма, картина обязательно бы снова изменилась. Появляется образ «повседневного» монетаризма. Конечно, морские баталии случаются не каждый день, не каждый день происходят и монетаристские атаки, это – повседневная жизнь, и она всегда проходит на фоне монетаризма. Мы также не можем быть уверены, что они никогда не повторятся. Абсолютного монетарного мира не существует, это также означает, что война будет продолжаться в обозримом будущем.

Крупная монетарная система не определяет саму себя, таким образом усложняя восприятие и описание. У нее нет объекта или объектов, на которые она опирается, что, впрочем, не означает, что у всех ее компонентов та же судьба. Крупная монетарная система сочетается с господством определенных ценностей в обществе, которые могли бы восприниматься как ее прямое следствие. Она меняет все подсистемы, без чего они бы прекратили свое существование. Крупная монетарная система преподносит себя как «нормальность» и как что-то, чего нельзя подтвердить только с либеральной точки зрения, хотя это «что-то» рождено либеральными принципами. Теперь нам кажется, что это не так.

В этом контексте неолиберализм сильно изменился. После повсеместной победы неолиберализм оставался единственным регулятором глобализации на политико-идеологической сцене, и на пике своего господства в общественно-политическом сознании он стал идентифицироваться со всем существующим социально-экономическим мироустройством. Он пока еще не достиг высокого уровня реализации существующего миропорядка, глобализации и рационализации (в социально-теоретическом смысле), которая также усиливает тенденции, порожденные «попытками распрощаться» с мифами. Если неолиберализм – это результат подобного высокого уровня рационализации в этой теоретической системе, он не должен пройти мимо развивающихся новых форм эмансипации.

Перевод с английского К. А. Бирюковой